

Татьяна Астра

«Бесприданница. Двадцать лет спустя»
социально-романтическая мелодрама в десяти картинах
с прологом и эпилогом

Действующие лица:

Она — Огудалова Лариса Дмитриевна, в прологе — 18-19 лет; далее — 38-39 лет, бывшая актриса, ныне писательница. Стремительная, летящая походка.

Он — Аронов Евгений Иванович, заезжий режиссер, 58 лет. Громовой голос, подчеркнута театральная мимика.

Кнуров Мокий Парменович, Ее муж. В прологе 32-летний предприниматель; далее — служащий банка, 51-52 года.

Вожеватов Василий Данилович, Ее друг детства, купец средней руки. В прологе — 24 года; далее — 44 года. Владелец парохода «Ласточка», превращенного в музей драмы «Бесприданница».

Луговой Григорий Алексеевич, актер местного театра, освобожденный от должности директора театральной школы, подрабатывает экскурсоводом в музее драмы «Бесприданница», светский человек, душка, 55 лет.

Смельская Нина Васильевна, актриса местного театра, по совместительству завхоз музея. Ровесница и приятельница Огудаловой.

Гудзий Антон Степанович, 50 лет, военный в отставке, бывший коммерсант, ныне директор местной театральной школы.

Чибисова Лола Эдмундовна, антрепренерша местного театра, пытающаяся ставить спектакли, ярко выраженная эмансипэ, ходит в брюках, стрижка, напористость, знает все и вся, 55 лет.

Дети Ларисы и Кнурова — сын, 7 лет; дочь, 5 лет.

Паратов Сергей Сергеевич, в прологе — 22 года, студент столичного университета.

Карандышев Юлий Капитонович, в прологе — 22 года, студент финансово-промышленной академии.

Саша и Лиза, ученики Аронова, по 18 лет.

Лудильщик.

Смотритель музея.

Горничная в доме Кнурова и Ларисы.

Голос Неба.

Туристы, зрители, ученики Аронова, актеры местного театра.

Место действия: провинция, глубокое захолустье.

Время действия: в прологе — 1878 год, в последующих картинах — 1898-99 годы.
Духовная атмосфера — «чеховское болото».

Пролог

Ранее осеннее утро. Пароход «Ласточка». Лариса выходит из каюты, находящейся справа, и медленно, обессилено бредет по коридору в направлении каюты, расположенной слева, в руках ее какая-то тетрадка. Из двери, ведущей на палубу, врывается Карандышев, кидается к Ларисе, хватая ее за плечи.

Карандышев (*в бешенстве*). Лариса! Где вы были?! Я ищу вас всю ночь!

Лариса (*пытается высвободиться*). Пустите!..

Карандышев. Вы с ним были? С ним? Вы с ним провели ночь?

Лариса. Пустите! Оставьте меня. Уйдите, пожалуйста.

Карандышев. Вы!.. Вы!.. (*Достает из-за пазухи пистолет*).

Лариса. А-ай! Оставьте — как же вы надоели мне своей ревностью! Угрозы, месть... Теперь вот пистолет еще притащили... Как вы не понимаете!.. Вы в своей мести совершаете поступки, которые не в силах понять и простить ни одна женщина. А ведь мы никто с вами — между нами никаких обязательств! Кто дал вам право так вести себя со мной?!

Карандышев. Я люблю вас.

Лариса. Любо-овь? (*начинает истерически хохотать*) Я любви искала и не нашла... Любовь — это нелепость, глупость, недоразумение — ошибка...

Карандышев (*в бешенстве*). Вы должны быть моей!..

Лариса. Нет. Нет. Юлий Капитонович, я все вам объяснила уже... Мы разные... Слишком...

Карандышев. Противоположности сходятся!

Лариса (*обессилено*). Мы никогда с вами не сойдемся... Никогда...

Карандышев. (*в состоянии аффекта*). Так не доставайся ж ты никому! (*Стреляет в Ларису из пистолета, в смятении роняет его*).

На звук выстрела из каюты в левом конце коридора появляется Паратов. Из двери, ведущей на палубу, входят Кнуров и Вожеватов, в ужасе застывают на месте. Паратов и Карандышев кидаются к Ларисе. Она, страшно бледная и испуганная, держится за грудь, сквозь пальцы ее течет кровавая жидкость. У нее начинается истерика — рыдания переходят в истеричный смех.

Лариса (*стряхивая с руки «кровь»*) Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Не бойтесь!.. Это сок! Клюквенный сок! Здесь артисты на днях пьесу играли, Василий Данилович приглашал. Забыли, видно, реквизит... (*Плачет. Протягивает Паратову тетрадку, которую до сих пор держала в руках. Смотрит на него, как бы прощаясь навсегда*). Сереженька, возьмите... Прощайте...

Паратов. Лариса, простите меня...

Лариса. Ну что вы! Вы ни в чем не виноваты. Прощайте. (*Медленно идет по направлению к выходу на палубу*).

Карандышев. Лариса!

Лариса. Жизнь — фарс! Трагифарс... Нелепый, комичный, ужасный... (*Уходит. Негромко хлопает дверь*).

Карандышев (*кидается к Паратову, хватая его за грудки*). Ты! Ты!.. Как ты смеешь!?

Паратов. (*не оказав никакого сопротивления Карандышеву*). Юлий Капитонович вошел в раж. Не будем мешать ему ражовать. (*Высвобождается и удаляется*).

Затемнение. Звучит начало романа: «Я словно бабочка к огню / Стремилась так неодолимо / В любовь — волшебную страну, / Где назовут меня любимой». Роман прерывается взрывом разноголосого гомерического хохота, который так же внезапно смолкает, как и начался.

Картина 1

Прошло 20 лет. Осенний вечер 1898 года. Пароход «Ласточка», превращенный в музей драмы А.Н. Островского «Бесприданница». На палубе оборудована небольшая сцена и зрительный зал. На стене — афиша «Но лира золотая твоя еще цела...» Стихи Сафо в исполнении Ларисы Огудаловой». Рядом еще афиша — «Фейерверк «Огни столицы». Чудеса пиротехники. Новейшие технические достижения». В зрительном зале весьма

немногочисленная публика. Среди зрителей — Вожеватов, Луговой, Кнуров. Лариса на сцене в белом концертном платье декламирует под музыку.

Богу кажется равным мне по счастью
 Человек, который так близко-близко
 Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
 Слушает голос
 И прелестный смех. У меня при этом
 Перестало бы сердце биться:
 Лишь тебя увижу, уж я не в силах
 Вымолвить слова.
 Но немеет тотчас язык, под кожей
 Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
 Ничего не видя, глаза, в ушах же —
 Звон непрерывный.
 Потом жарким я обливаюсь, дрожью
 Члены все охвачены, зеленее
 Становлюсь травы, и вот-вот как будто
 С жизнью прошусь я.
 Но терпи, терпи: чересчур далеко
 Все зашло...

Вялые, негромкие аплодисменты. Лариса раскланивается.

Благодарю вас за внимание, милая моя публика!

Зрители постепенно расходятся. Остаются Вожеватов, Кнуров, Луговой. Кнуров идет к стулу, стоящему в отдалении, берет с него шаль и направляется к Ларисе. Лариса спускается со сцены, руку ей подает Луговой.

Луговой. Лариса Дмитриевна, вы, как всегда, очаровательны! Хотите анекдот?

Кнуров. Григорий Алексеевич, она замерзла совсем (*закутывает Ларису в шаль*)
 Простудишься. Шла бы чаю попила — самовар знаешь где. Смотри, с твоими выступлениями, того и гляди, опять голос потеряешь.

Луговой. Ах, заботливый у вас супруг, Лариса Дмитриевна. Но, мое почтение, тороплюсь на экскурсию. Сейчас должна быть туристическая группа — бегу встречать. Да! Новость — у нас новый режиссер в театральной школе — я пригласил. При следующей встрече расскажу обязательно. Хочу еще успеть на фейерверк. В котором часу, Василий Данилович, он планируется?

Вожеватов. В девять.

Луговой. (*Смотрит на часы*) Должен успеть. Разрешите откланяться (*уходит*).

Лариса. Я пойду, правда, чаю попью. Вон там — в закуточке. И напишу заодно, там никто меня дергать не будет. Сейчас осень, прилив энергии, творческих сил — нужно ловить момент.

Уходит к столику с самоваром. Наливает чай. Достает из сумки бумаги, садится, отпивает чай, задумывается, время от времени что-то пишет.

Вожеватов. Лариса все пишет?

Кнуров. Да, все пишет. Что с ней сделаешь... Если не пишется или некогда, или не нравится, что написалось — ну просто сама не своя становится.

Вожеватов. А сейчас что пишет?

Кнуров. Пьесу. Ох и надоели мне ее писания! Лучше б домом занималась, детям бы побольше внимания... А все театр этот ее виноват, актерство ее неудавшееся...

Вожеватов. Не кори ее. Она ведь лучше всех... Эх, мне бы надо было на ней жениться... А я вот...

Кнуров. Что ж не женился? После Паратова она долго свободна была.

Вожеватов. Да, дурака я свалал порядочного. Ты меня извини, что я об этом с тобой так, запросто — ты муж, все-таки... Да... Я ведь тогда, было дело, явился к Ларисе, еще Харита Игнатьевна была жива, пришел и говорю: «Я решил жениться. Отговорите меня».

Кнуров. Гм... Ну а они что?

Вожеватов. Ничего. Раз решил, говорят, — женись.

Кнуров. Ну и что — теперь жалеешь, что прямо не бухнул Ларисе предложения руки и сердца?

Вожеватов. Да понимаешь... К Ларисе я, конечно, был равнодушен. Очень... Но... Я видел, что я для нее — друг детства... Сомневался... Я знал, видел, да это собственно все видели, как она влюблена в Паратова. И потом, у меня ведь была партия, выгодная очень партия... И если бы я той выгодой пренебрег тогда, что лукавить, сейчас мои дела не были бы столь хороши, как они есть...

Кнуров. Одно могу тебе сказать — жена-актриса, или писательница — это не хорошо... Не очень хорошо...

Вожеватов. Скажи, ты любишь ее?

Кнуров. ...Да. Я все равно люблю ее. И потом — дети!.. Ты знаешь, я понял, что смысл жизни — в них, в детях, я это понял в сорок четыре года, когда родился сын... Я раньше не знал этого, не понимал... Как тебе известно, у нас с первой женой детей не было. А у Ларисы, у нее какое-то другое осознание, устремление, страсть, прямо-таки, появилась, для меня совершенно неожиданная. Она, разумеется, детей любит, привязана к ним как всякая мать, но у нее еще другое — театр этот ее, выступления, писать ей надо... Я понимаю, она хватанула тогда, после разрыва с Паратовым, этой отравы театральной — не зря говорят «опиум, наркотик»!.. Теперь это, видимо, у нее на всю жизнь.

Вожеватов. Сам-то?.. Кто музыку у нас сочиняет?

Кнуров. У меня это хобби. А у нее — не-ет... Она все, всю себя этому подчинила...

Вожеватов. Прости меня за бестактность, никогда эту тему не поднимал... А что там у Ларисы с Паратовым произошло? Или не произошло?..

Пауза.

Кнуров. Я был не так давно в Петербурге. Купил в газетном киоске альманах литературный. И там, в числе прочего, статьи его, Паратова.

Вожеватов (*иронично-удивленно*). Что, и он тоже писатель?..

Кнуров. Представь себе.

Вожеватов. Что же, он, по-прежнему, пытается идеи социальной революции протиснуть?

Кнуров. Боже упаси!.. Да ты, я вижу, Василий Данилович, и не знаешь ничего о Паратове.

Вожеватов. Откуда! Да и зачем мне им интересоваться — я от революционной идеологии далек.

Кнуров. Революционные свои увлечения он оставил давно — когда посадили его в Петропавловку после студенческой демонстрации да чуть не сослали.

Вожеватов. Перепугался, стало быть...

Кнуров. Судя по всему, да. У него другой крен появился — религиозный. В веру ударился.

Вожеватов. Ну, это понятно. После таких потрясений, ареста... Конечно, не всякий устоит. А помнишь, он ведь атеист был — Бога вообще отрицал...

Кнуров. Теперь наоборот.

Вожеватов. Так неужто Лариса с ним из-за его революционных взглядов рассталась? Она ж слушала весь этот его революционный бред. И в ссылку бы за ним пошла, как жена декабриста... Боже, как банально все!.. Как в нашей великой реалистической литературе...

Кнуров. Да, тогда, безусловно, пошла бы... Только не нужна была Паратову ее жертва... Там кроме увлечения идеями социального преобразования еще нюанс... Паратов ведь о чем пишет?

Вожеватов. Из твоих слов полагаю, что о религии. Какое-нибудь мистическое революционерство и христианское обновление...

Кнуров. Не просто! Это все сдобрено у него пространнейшими рассуждениями об однополой любви.

Вожеватов. Ничего себе!..

Кнуров. Да. А живет Паратов в Петербурге с поэтом-декадентом и его супругой, певичкой.

Вожеватов. Втроем, что ли, живет?

Кнуров. Получается, что так. Проверяет свои сексуально-философские идеи на практике.

Вожеватов. Ну, эта мода сейчас тоже, я слышал, набирает обороты.

Кнуров. Для кого-то мода, а для кого-то и... Для Паратова, похоже, не совсем мода...

Вожеватов (*вопросительно-выжидательно смотрит на Кнурова*). Что-то я не понимаю... Растолкуй.

Кнуров. Помнишь, в то утро, когда Карандышев пальнул в Ларису клюквенным соком, она Паратову тетрадку отдала?

Вожеватов. Тетрадку?.. Нет, не помню.

Кнуров. Ну, это не важно. Та тетрадка — дневник Паратова, там кроме революционных идей, его сексуальные фантазии — нетрадиционные...

Вожеватов. Бред какой-то... (Смеется) Кто бы мог подумать!?! Ведь судили-рядили тогда по всему городу о связи Ларисы с Паратовым, о ее падении... А падения-то, выходит, не было?..

Кнуров. Не было. Паратов всю ночь о высоком рассуждал, революционные идеи провозглашал, а под утро подсунул ей тетрадку эту...

Вожеватов. (*с воодушевлением*) Слушай! Мокий Парменович!

Входит Луговой с очень малочисленной туристической группой.

Луговой. В 1878 году, после известных вам событий, в наш город приехал драматург Александр Николаевич Островский. О той скандальной истории, что произошла в нашем маленьком городе, писала местная газета в рубрике «Происшествия». Драматурга заинтересовала заметка о несостоявшейся на почве ревности попытке убийства и он, изучив реальные жизненные обстоятельства, написал пьесу «Бесприданница». Прошу вас пройти на палубу — там мы продолжим знакомство с местами, где разворачивались реальные события драмы...

Тургруппа во главе с Луговым удаляется.

Вожеватов. Слушай! Мокий Парменович! То, что ты мне открыл во взаимоотношениях Ларисы с Паратовым — ведь это, ты знаешь, закавыка... Из нее можно попробовать сделать сенсацию... А что? Сексуальные эксперименты сейчас в большой моде. Ты посмотри — туристов совсем мало стало. Я, конечно, держа «Ласточку» в качестве музея, не преследую цели обогатиться, у меня другой источник дохода, но... Оживить интерес!.. Почему бы и нет?..

Кнуров. Не зна-аю... Какой тут интерес может быть?... Нелепая, пустая, глупая история. Да и нехорошо это — предавать огласке нюансы частной жизни человека... Если уж оживлять интерес, так за счет другого.

Вожеватов. Например?

Кнуров. Да пусть Луговой рассказывает подробно о том, как писалась пьеса.

Вожеватов. Как это писалось!?. Кому это интересно? Ты посмотри, кто к нам ходит!.. Ведь им даже в голову не может прийти, что можно говорить о проблемах, особенностях творчества, специфике театра как искусства!..

Кнуров. А может, и не надо ждать, когда этим заинтересуются. Нужно самим об этом рассказать — тогда и интерес, возможно, появится. Пусть Луговой рассказывает, что Островский изменил возраст, характеры, род занятий героев «Бесприданницы»... Пусть говорит, как он все укрупнил, драматизировал, конфликт обострил, ... Пусть расскажет, что Паратов — никакой не блестящий барин-богач был, а всего лишь студент, да, интеллигент, но студент; Карандышев — вовсе не мелкий, жалкий служащий, а пробивной, пронырливый, напористый — предприниматель — удачливый, а не лузер... При этом оттолкнул Ларису своими выходками на почве ревности...

Входит смотритель музея.

Смотритель. Василий Данилович, там фейерверк хотят начинать. Спрашивают вашего дозволения.

Вожеватов. Пусть начинают.

Кнуров. Лариса, пойдем фейерверком любоваться.

Лариса. Я не охотница до грохота, всех этих вспышек, выстрелов. Нет, не пойду.

Кнуров. (Вожеватову) Не любит выстрелов-хлопков-вспышек после того случая с Карандышевым. (Ларисе) Ну мы пойдем с Василием Даниловичем.

Лариса. Идите. Я здесь побуду. (Продолжает писать).

Кнуров с Вожеватовым уходят. Через некоторое время входит Аронов. Сильная вспышка фейерверка на миг освещает сидящую пишущую Ларису.

Аронов (*остолбенев при виде Ларисы*). Здравствуйте!..

Лариса. Здравствуйте...

Аронов (*нервно*). Разрешите узнать, где здесь находится музей драмы Островского «Бесприданница»?

Лариса. Здесь находится. А-а вы... руководитель туристической группы?

Вспышка фейерверка освещает Аронова.

Аронов (*нервно, с жаром*). Я — художественный руководитель!

Лариса удивленно-недоверчиво смотрит на Аронова.

Руководитель актерского курса в театральной школе... Я — режиссер. Приходите на наш показ — будут отрывки из пьес.

Лариса (*собирая свои бумаги в сумку*). Благодарю вас, в другой раз. (*Собирается уходить*).

Аронов. В другой раз такого уже не будет!

Лариса. Извините, я тороплюсь, к сожалению. (*Быстро выходит на палубу, где грохочет и вспыхивает фейерверк; в дверях сталкивается с Луговым*).

Аронов несколько обескураженный смотрит ей вслед. Быстро входит запыхавшийся Луговой.

Луговой. Фух! Успел, кажется! Приветствую, Евгений Иванович!

Аронов. Приветствую. (*Жмут друг другу руки*).

Вспышка фейерверка. Вальяжно входит Гудзий.

Луговой (*Аронову*). Полюбопытствуйте обязательно! Этот фейерверк Вожеватов в столице заказывал. Такого в нашем городе еще не было.

Вспышка фейерверка.

Гудзий. Может, стоит подумать о том, чтобы использовать новейшие достижения техники в нашем, театральном деле — для привлечения публики. Это важно.

Аронов вопросительно-обескураженно смотрит на Гудзия.

Луговой. Вы, кажется, не знакомы еще.

Гудзий. Гудзий Антон Степанович, военный в отставке, коммерсант, только что назначенный директор театральной школы.

Аронов. Аронов Евгений Иванович, театральный режиссер.

Аронов и Гудзий кивают друг другу.

Гудзий. Значит, это вы Аронов...

Аронов. Да, я.

Очередная вспышка фейерверка.

Гудзий. Вот за такое зрелище можно хорошие деньги брать...

Аронов. Я — против коммерциализации театра.

Гудзий. Это почему? Нужно быть рентабельным!

Аронов. Прописная истина — есть ценности, которые нельзя измерить деньгами.

Гудзий. Веление времени и департамента — зарабатывание денег.

Аронов. Привлечь публику в театр и деньги заработать можно иными путями — они есть. У меня столичный опыт, я знаю, что говорю.

Гудзий. У меня тоже два высших образования.

Аронов (*Луговому*). Я как раз по этому поводу собираюсь диссертацию защитить.

Гудзий. Да?.. Да-а-а. Диссертация... Эт-то оч-чень ва-ажно. Вы пишете прозу или стихи?

Аронов (*опешив*). Да... это научная работа...

Гудзий. Ах нау-учная!.. (*Задумавшись*) Но... Гм... Знаете ли, для науки нужны исследования... Лаборатория, колбы, пробирки всякие там... Какие у нас, в театральной школе, могут быть исследования?.. У нас исследований быть не может!.. (*Вспышка фейерверка*) О! Каков залп! Свое! Родное!.. Пойду на палубу, поближе. (*Уходит*).

Аронов. Это... это... что?.. Это — новый директор?!.

Луговой. Хорош?!. Родной брат главного бухгалтера департамента культуры!..

Аронов. Понятно!.. Значит, его сестрица финансами распоряжается... Ну да-а, конечно... А сам-то он, этот Гудзий, что, какое-то отношение к театру имеет?

Луговой. Никакого абсолютно. Военный в отставке! Занялся коммерцией, недоплатил сколько-то каким-то браткам, ушел из бизнеса и решил, что он деятель культуры!

Аронов. Черт знает, что такое... Нет, ну — почему меня не поставят руководить металлургией?.. Нельзя?.. Некомпетентен?..

Луговой. Так ну!.. А в культуре можно. В культуре все можно...

Аронов. Погодите, а они, когда снимали вас с должности директора, как-нибудь это объяснили?

Луговой. Никак. А что тут объяснять — все и так ясно. Для них театральная школа — это что? — Способ нажиться. Они ж требовали некогда, чтоб я закрыл учебное заведение при театре — вы, мол, никому не нужны. А я отказался.

Аронов. Нет, но... Григорий Алексеевич! Ну, как же... Вы же тридцать лет в театре... Вы же землю рыли, чтобы... Только-только дышать начали!.. Новые специальности открыли, перспективные... А они — «закрыть»!..

Луговой (*махнув рукой*). Чего тут ждать?.. Департаментом культуры руководит выпускник лесотехнической академии!.. Что вы хотите?..

Аронов. Куда СМИ смотрят?..

Луговой. Газеты?.. Как же писали...

Аронов. Да?..

Луговой. Вы не читали?! Писали — и о моей отставке писали, в частности — с возмущением писали...

Аронов. Ну да, а им-то что... Самоуправство какое... Кто нами руководит, вы только подумайте! Командуют, а сами ничего делать не умеют, не могут, не хотят... Только завидовать могут тем, кто умнее их... я уж тут не сдержался — сцепился с Чибисовой...

Луговой. О-ох, вы бы с ней поосторожнее — у нее в департаменте мощная поддержка.

Аронов. Плевать на ее поддержку. То, что она делает в театре, это даже не халтура, это еще хуже.

Луговой. Вы с Огудаловой Ларисой Дмитриевной поговорите. Она человек творческий, она вас поймет.

Аронов. Наслышан, но не знаком.

Луговой. Так как? Я думал, вы представились ей — она только что, перед моим приходом, была здесь.

Аронов. Ах, эта дама — Огудалова?! — Убежала как Золушка с бала...

Луговой. Чем же вы ее так напугали?

Аронов. Да я право...

Луговой (*смеется*). Шучу! Да, легкая она у нас, стремительная... Летящая!..

Входят Кнуров с Ларисой и Вожеватов.

Вожеватов. Григорий Алексеевич, как вам зрелище?

Луговой. Великолепно! Остро! (Аронову) Вы согласны со мной, Евгений Иванович?

Аронов. Да, хотя я не особо...

Луговой. Разрешите представить нашего нового режиссера, он будет преподавать в театральной школе — Аронов Евгений Иванович. А это, с вашего позволения, персонажи Островского, реальные герои «Бесприданницы» — Огудалова Лариса Дмитриевна, Кнуров Мокий Парменович, Вожеватов Василий Данилович.

Аронов. Очень приятно... А я ведь играл в «Бесприданнице» — в Москве, в театре Корша. Видел спектакль Станиславского в «Обществе искусства и литературы»... Ах, какие там спектакли — лучше, чем в профессиональном театре!.. Вот увидите, в Москве скоро много интересного появится, театр оживет — там новое ищут, новые пути, новые формы...

Вожеватов. Нам, конечно, до Москвы далеко, но вот мы музей поддерживаем — посвященный драме Островского. Будем рады видеть вас нашим гостем на «Ласточке». У нас не только фейерверки бывают, но и экскурсии, вы еще ведь не были (*Аронов отрицательно качает головой*), у нас и поэтические вечера проходят — Лариса Дмитриевна — несравненная наша прима. Так что будем рады — и сами приходите, и учеников своих приводите.

Аронов. Непременно. Сердечно благодарю. А сцену арендовать у вас разрешите?

Вожеватов. Договоримся... Только... разве в театральной школе нет сцены?.. У вас же новое здание — подарок губернатора к юбилею города.

Луговой (*усмехнувшись*). А-а, да-а, подарок... Строили дом призрения, а потом вселили туда театральный школу... «Подарок» этот расположен в такой глухомани, что даже тот, кто хочет посетить спектакли нашего учебного театра и хотя бы раз попытался добраться до нас, второй попытки предпринимать уже не имеют ни сил, ни желания...

Вожеватов. Что так?..

Аронов. Освоение неизведанных земель — задача более привлекательная...

Кнуров. Самое главное, ты, Василий Данилович, не в курсе еще — в старом здании театральной школы, в том, которое в центре города, думаешь, что теперь?..

Вожеватов. Отстал от жизни — что же там?

Луговой. Выставка-продажа женских пальто...

Лариса. ...Чтобы никто не узнал, что у нас культура была... когда-то...

Короткая пауза.

Кнуров. Ну, нам пора — поздно уже.

Луговой. Пойдемте, Евгений Иванович, нам с вами по пути.

Вожеватов. Лариса, соберешься репетировать или писать — ключи на старом месте.

Лариса. Спасибо, Вася.

Все расходятся.

Картина 2

Аронов и Луговой идут по вечерней улице.

Аронов. У меня такой вот вопрос. Кто она на самом деле, настоящая Лариса Огудалова?

Луговой. Она бывшая актриса.

Аронов. Почему бывшая?

Луговой. Здесь драма жизни целая... Для нее, можно сказать, чуть не трагедия. После того, как ее бросил Паратов, она страдала, конечно... Но тут к нам в город приехал Островский — вы знаете...

Аронов. Да. Кто ж этого не знает — написал «Бесприданницу».

Луговой. Да. И этот приезд его к нам, можно сказать, спас Ларису. Она так увлеклась Островским, театром... Она у нас натура художественная — пела, сочиняла, писала... Уехала с Островским в Москву, на сцену поступила — играла, даже успех имела... Но пришлось ей уйти со сцены.

Аронов. Почему?

Луговой. Голос. Что-то у нее со связками нехорошее. Театр, сами знаете, гастроли, поездки, сквозняки, многолюдье... Она болела часто — простуды бесконечные... А в театре ведь как — больной, здоровый — а играть надо. Она и играла — и голос себе надорвала окончательно. Ей на сцену — а голоса нет совсем! Вот вам и актриса... Лечиться пыталась — ингаляциями какими-то... Вроде помогало — временное улучшение, а потом опять все заново. Так и ушла из театра.

Аронов. А дальше? Чем она сейчас занимается? Я видел — с бумагами с какими-то... И... она замужем?

Луговой. Замужем. И пишет. Пишет, что-то там публикует — отсылает в Москву. Я, впрочем, точно не знаю, что она там пишет... Кажется, для театра что-то. Нам, у нас, она здесь ничего не показывает свое, не читает. У нас она выступает — концертная деятельность: то Шекспир, то Островский ее любимый, уж как она убивалась, когда он умер — прямо свет в окне для нее был!.. То вот Сафо, как сегодня. Вы ведь не были на ее сегодняшнем вечере?

Аронов. Не был. Да я не знал, право. Да и все некогда — работаю.

Луговой. Да... Сафо сегодня она нам представляла... Да только не ходит никто на ее выступления. Муж бывает, Вожеватов, приятель детства, владелец музея, я, да еще несколько человек — изображают из себя почитателей искусства... Смельская иногда забежит, подруга ее, актриса наша.

Аронов. Актриса?

Луговой. Да, она у нас на всех фронтах: и актриса, и завхоз.

Аронов. Актриса — завхоз?

Луговой. Да, была когда-то в ней актриса, кажется. А потом... перегорело все... в нашем курятнике... Да и жалование актерское невелико — вот она и подрабатывает у Вожеватова в музее.

Аронов. А кто муж Огудаловой?

Луговой. Кнуров.

Аронов. Богач, значит.

Луговой. Не-е-ет. Это он у Островского богач. Вернее, пятнадцать-двадцать лет назад деньги у него, действительно, водились. А потом — обанкротился. Карандышев его подставил.

Аронов. Карандышев?!

Луговой. Да вы не удивляйтесь, Евгений Иванович. То, что написал Островский, довольно далеко от реальной жизни.

Аронов. Да я не удивляюсь. Я всю жизнь в театре и знаю, что далеко не все, что случается в жизни, сценично и подходит для театра. И драматурги преображают жизнь. Но, может быть, так не совсем верно... Может быть, нужно приблизить театр к жизни...

Луговой. Ну, это... Но как это сделать? И надо ли?.. Нужны какие-то новые формы...

Аронов. Так что Карандышев?

Луговой. ...Карандышев — он, в отличие от Кнурова, оказался успешен в бизнесе. А Кнуров подняться с тех пор не смог. Да жена у него умерла как раз... Так он и служит в банке с тех пор. На Ларисе женился. Да и не его это — бизнес...

Аронов. Гм... А что же никто не ходит на ее выступления? Плохие концерты?

Луговой. Великолепные! Да оценить ее некому у нас. У нас другое в цене... А вас, я смотрю, зацепила Лариса-то Дмитриевна — аж лица нет на вас... А?.. Да вы не тушуйтесь, Евгений Иванович, мужская часть нашей городской, прямо скажем, не очень интеллектуальной публики, бывает, что ходят — ходят на нее поглазеть. Сафо ее, конечно, мало их интересуется, но сама — хороша, не отнимешь.

Аронов. Да... Даже не думал, что так вот может быть, что такое вот... Как глянул на нее, — ну чисто моя первая супруга, да и вторая тоже, только молодая — фигура, тип лица, осанка... Походка, правильно вы сказали — «летающая»...

Луговой. ...Любили, значит, первую-то супругу?

Аронов. До самозабвения!..

Картина 3

Утро. Пароход «Ласточка». Лариса пишет — ничего вокруг не видя и не слыша. Входит Смельская. Снимает верхнюю одежду.

Смельская. Лариса, привет.

Лариса. А? Да, привет.

Смельская (*принюхиваясь*). Слушай, это что? Чем пахнет? Лариса, ты опять самовар распаяла!..

Лариса (*вскакивая*). Ах, Боже мой! (*Подбегает к самовару и заливает его водой. Вода течет на пол*). Пропади пропадом этот самовар...

Смельская. Да это не самовар, это твоя писанина пропади пропадом! Вожеватов, конечно, не бедствует, но... Ты, который уже по счету самовар у него распаяла?

Лариса. Где тряпка?.. (*Ищет тряпку*) Нина, ну какой самовар?! Вот, понимаешь — оно пошло, поймала, осознала — вот оно — вертится в мозгу, на языке!.. Нужно скорей, успеть — запечатлеть...

Смельская. Вот-вот — «запечатлеть», а материальный ущерб налицо.

Лариса в поисках тряпки проходит мимо стола, за которым писала и случайно роняет бумаги, на которые тут же садится.

Смельская. Лариса, ты же давно не в театре — и все равно, веришь в театральные приметы?

Лариса (*произносит как молитву*). Если пьеса упала на пол, на нее нужно сесть — чтобы состоялось!..

Смельская. Ладно, сиди, пиши уж, я пойду сама лудильщика позову — я его тут рядом видела, когда шла на «Ласточку»...

Лариса (*Вставая и складывая бумаги на стол*). Нет-нет. Я виновата — я и пойду. (*Уходит*).

Смельская. Я за тряпкой, воду надо вытереть. (*Уходит*).

Сцена на мгновение пуста.

Входит Аронов, весь в образе. Бормоча монолог, проходит к сцене. Входит лудильщик.

Лудильщик. А где Лариса Дмитриевна-то? Сказала, самовар опять распаялся.

Аронов. Ну... Она... Где-то... на пароходе «Ласточка»...

Лудильщик. Так мы на «Ласточке» и находимся.

Аронов. Да?

Входит Смельская с тряпкой, Аронова не замечает. Лудильщик снимает шапку и кланяется Смельской.

Лудильщик. Доброго здоровья, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуй, Федор. Вот, забирай в починку — очередная жертва творческого гения Ларисы Дмитриевны. Пойдем, я расплачусь с тобой за ведро, оно ведь готово?

Лудильщик, взяв самовар, и Смельская уходят. Входит Лариса, не заметив Аронова, начинает собирать бумаги.

Аронов. Здравствуйте!

Лариса (*удивленно*). Здравствуйте...

Аронов. ...И это все?..

Лариса. ...А-а-а что еще?..

Аронов. Мы могли бы с вами!..

Следует взаимная игра взглядов, жестов, телодвижений, после чего Лариса, взяв бумаги, удаляется.

Аронов (*ей вслед*). ...И что-то я в Вас такой влюбленный!..

Гм, да... Что-то не то... Пошлость какая получилась... Шницлер, что ли, влияет... Или Арцыбашева вчера на ночь начитался... Пока ставишь автора, сам сливаешься с ним, начинаешь мыслить, чувствовать аналогично... Ох, нехорошо получилось...

Входит Смельская со счетами и бумагами. Вопросительно смотрит на Аронова.

Смельская. Здравствуйте. Вы, простите, кто?..

Аронов. Аронов Евгений Иванович, режиссер. Зашел осмотреть сцену...

Смельская. А-а, да, пожалуйста, Василий Данилович предупредил меня.

Аронов проходит и осматривает сцену.

Аронов. Да, пожалуй, вариант подходящий... А-а вы?..

Смельская. Смельская Нина Васильевна. Завхоз музея. И актриса местного театра.

Аронов. Ах, это вы... Очень приятно. Что же вы играете!?

Смельская. Разное. Пьесы Шпагинского, Щеглова, Крылова. Чибисова ставит! Спектаклей много. Каждые несколько дней — новый.

Аронов. Да, лихо!

Смельская. А-а вы в театральной школе?..

Аронов. Да. Я вот хочу сломать этот стереотип. Спектаклей много, ставят быстро, а о качестве не спрашивай...

Смельская. А что качество? Публику устраивает. Сборы есть. Что еще надо?

Аронов. Думаю, не всегда следует идти на поводу у публики... Думаю, надо поднимать публику до более высокого уровня, воспитывать ее...

Смельская. Вы идеалист. В нашем-то курятнике, кого тут воспитывать?.. Ни актерам, ни зрителям — никому ничего не надо.

Аронов. Знаете, театр не должен именоваться курятником. Вы — актриса, и позволяете себе так низко называть театр...

Смельская. Так что же, если это так и есть — КУРЯТНИК!

Аронов. От вас, в том числе, зависит, будет это курятник или храм искусства... Мое почтение... (Кланяется и уходит).

Смельская садится с бумагами и счетами и начинает считать и писать.

Входит Лариса с книгой.

Лариса. Какая гадость!!! Гадость, пошлость! Так не говорят даже в плохих пьесах...

Смельская. Что, все пьесу пишешь? Реплики подбираешь?

Лариса. Да... Подбираю, знаешь.

Смельская. Ну и что у тебя там за пошлость, которой не встретишь даже в плохих пьесах? Жизнь не пьеса, жизнь грубей, проще. Так что оставь и пошлость. Вся наша жизнь — пошлость.

Лариса. А это — «Что-то я в вас такой влюбленный»! — Слышала миллионы раз. Штамп!..

Смельская. Ну-ну. Вон еще один — борец со штампами — только что здесь был.

Лариса вопросительно смотрит на Смельскую.

Аронов! Аронов!

Лариса. А что он за человек, на твой взгляд?

Смельская (*иронично*). Новатор театра!..

Лариса. Я знаю — он актер, режиссер, был в Москве, приехал работать в театральной школе?.. А почему он уехал из Москвы?..

Смельская. Насчет Москвы — не знаю, Луговой его из соседней губернии вытащил. Не прижился. Характер. Строптив, говорят, нетерпим. Сшибся с кем-то... А до этого был в Москве, да. Говорят, играл в театре Корша, потом у какого-то Алексеева-Станиславского — в самостоятельности. Реформ, якобы, хотят на театре... Ты представь, дилетанты хотят реформировать театр!.. Профессионалы-то не могут!.. Это мне Сашка рассказал, племянник — он у Аронова в театральной школе учится. Ну вот — Аронов, видно, идей в столице набрался и сюда, в наш курятник, с идеями!.. Ну, какие у нас, ты подумай, у нас — реформы?! Мы, что — Москва, Санкт-Петербург?.. Кто мы?.. Мы — курятник!

Лариса. Москва — это волшебное слово. Для меня... А насчет идей в курятнике — вы сами виноваты, вам на все плевать, вы ничем не интересуетесь, у вас нет никакого желания роста, профессионального, духовного. Вы сами превратили театр в курятник. Да, да! Вы — сами! Ты посмотри, кто возвышен у вас! Чибисова! Да она же не знает, что такое искусство...

Смельская. Ну, пошло-поехало! Что ты все разоряешься по поводу того, чего изменить не в силах! Ведь ты одна у нас — такая, все мечешь бисер перед свиньями. Жалко мне тебя. Тебя ж никто не оценит! Никто — запомни! Сил не трать!.. Ладно, мне на репетицию пора...

Отложив счеты и бумаги, одевается, собирается уходить.

Лариса. А что Аронов ставит? Какие пьесы, каких авторов? Наверное, что-то современное...

Смельская. Отрывки. Разное. Куски из «Норы» Ибсена, Шницлера, Островского... еще что-то... какую-то новую драматургию хочет найти... Новатор!.. Да он приходил сейчас, сцену осматривал — показ здесь хочет устроить своих учеников. Ну ладно, я пошла (Уходит).

Лариса, взяв книгу, поднимается на сцену, проникаясь образом и повторяя стихи.

Затемнение.

Картина 4

Зима. Крупные хлопья снега. Улица перед парходом «Ласточка». Афиши — «Современная поэзия декаданса. Исполнительница Лариса Огудалова». «Учебный театр под руководством Евгения Аронова. Отрывки из пьес А. Островского, Г. Ибсена, А. Шницлера». С пархода быстро сходит, почти сбегает Лариса в наброшенном на плечи пальто. Состояние смятения. За ней — Смельская.

Смельская. Что с тобой сегодня? Тебе плохо?.. Все так хорошо шло — ровно. Концовку смазала. Вдруг... Кто, что тебя сбilo?.. С тобой такого не бывало...

Смельская уходит обратно на парход. С пархода спускается Аронов.

Аронов (*кидаясь к Ларисе*). Здравствуйте!

Лариса. Здравствуйте...

Аронов (*с жаром, эмоционально*). Извините, я опоздал на ваш вечер, пришел к концу. Но, даже то, что слышал, — так хорошо!

Лариса (*совсем потерявшись*). Да, спасибо... Но это уже старая программа...

Аронов. Сейчас будет наш показ — моих учеников. Вы останетесь?

Лариса. Да, непременно.

С пархода спускается Кнуров, закутывает Ларису в шаль. Аронов, несколько задержавшись, украдкой глянув на Ларису с Кнуровым, уходит на парход.

Кнуров (*Ларисе*). Ну, что ты... Переволновалась?..

Лариса. Спаси меня, спаси, пожалуйста! Спаси... Обними меня, пожалуйста, поцелуй!

Кнуров обнимает и целует жену.

Кнуров. Что с тобой? От кого тебя спасти, любимая?

Лариса. Спаси меня! От меня самой спаси!.. Люби меня — крепко-крепко... Пожалуйста... (*Крепко прижимается к мужу*).

Кнуров. Что с тобой происходит? Ты последнее время сама не своя. Молчишь, думаешь о чем-то...

Лариса молчит.

Ты совсем заработалась — выступления, концерты, еще сама пишешь... Эти твои опусы, сочинения твои, они ведь душевному равновесию не способствуют — наоборот — только его нарушают...

Лариса отстраняется от мужа, отходит в сторону.

Кнуров. Я ведь тебя насквозь вижу... Тебя что-то мучает...

Входят Гудзий под руку с Чибисовой, с другой стороны — Луговой; раскланиваются с Ларисой и Кнуровым.

Гудзий. А вы не желаете... лицедреть... Э-э-мм... постановку Аронова?.. Ммм... Пьеса... (достаёт из кармана бумажку) Э-э... да: Ибсён — «Норá».

Луговой. «Нóра»!

Гудзий. Отставить!.. Простите... «Нóра» — не бывает. Бывает — «Норá».

Лариса. Это героиню драмы так звать — Нóра.

Гудзий. Ну, я и говорю: героиня... Женщина, значит... Ну вот: жизнь женщины в норé... Наша жизнь — норá. Актуально!

Чибисова (Гудзию). Подожди, сладкий мой. (Ларисе) Ларисочка, я слышала, сборник ваших опусов выходит в столице?..

Лариса. Да, выходит.

Чибисова. Поздравляю, знаменитость вы наша! Ну, вам, наверное, денег много заплатили за это!.. Озолотились, небось?..

Лариса. Вовсе нет. С чего вы взяли?..

Чибисова. Как?! Так зачем же вы все это пишете?!

Лариса. Испытываю такую потребность...

Чибисова. А-а...

Пауза.

Звучит первый звонок перед спектаклем.

Луговой. Господа, приглашаю всех на спектакль учебного театра Евгения Аронова. Отрывки из пьес Островского, Шницлера, и драмы Ибсена «Нора». Начало через (*смотрит на часы*) десять минут. По окончании — фуршет.

Все направляются к входу на «Ласточку». Лариса в двери сталкиваются с Ароновым.

Аронов (*кидаясь к ней, заинтересованно-эмоционально*). Вы хотели мне что-то дать?..

Лариса (*откликаясь на его порыв*). Я — вам???

Аронов (*в замешательстве*). Да-а...э-э-э...

Лариса. Так, ясно — студенты наболтали.

Аронов. Да не-ет. Мы просто разговорились. Пьесу... Вы же пишете пьесу!..

Лариса (*в нерешительности*). Я ничего не хочу, не собираюсь навязывать Вам. Вы самодостаточны, и это, в любом случае, должно быть Ваше желание и Ваше решение... Это не то, что принято у нас ставить...

Аронов. Про что?.. — Про любовь!.. Ну не про войну же.

Лариса смущенно смеется.

Лариса. Это никто не ставил.

Аронов. Ну и что. Я готов поставить — почему нет?

Лариса недоверчиво смотрит на Аронова.

Лариса. У меня есть знакомый литератор, Лазарев-Грузинский, Александр Семенович, мы с ним переписываемся. Он дружит с Чеховым. Так вот Чехов написал ему, что если в пьесе на стене висит ружье, то оно обязательно должно выстрелить — это о художественном произведении, все детали должны быть подчинены идее.

Аронов. Да, до чего верно сказано...

Лариса. Это в искусстве. А в жизни... Моя пьеса о том, как в жизни ничего не случается. О том самом ружье, которое висит на стене — и так и не выстреливает... Вот об этом моя пьеса...

Аронов. Я должен в это войти... Вы давно пишете?

Лариса. Да, я... пишу... Хотя в моих условиях... Вы знаете, я убегая ненадолго сюда, в музей, на «Ласточку» — репетировать, писать... А вообще, я пишу дома, рано утром, когда все еще спят, на улице, в торговой лавке обдумываю...

Аронов. А-а ... дети?.. Мои уже выросли — я их уже и не вижу...

Лариса. Да, у меня дети... Под аккомпанемент их игр — пишу. Сквозь все — пишу. Ведь жить одними кастрюлями и метлой — невозможно!?

Аронов. Невозможно!.. Я видел Вас — Вы с двумя маленькими и с сумками, тяжеленными... Вот сумки эти... Ох!..

Лариса смущенно молчит.

А... папа — он?..

Лариса. Он банковский служащий.

Аронов. Да, я слышал... Он когда-то был состоятелен...

Лариса. Да. Потом разорился и... больше уже в бизнес не вернулся... Это не совсем его. Он музыку сочиняет, бывает...

Аронов (*несколько оскорбленно*). Я тоже — не только спектакли ставлю — еще книгу пишу, диссертацию собираюсь защитить...

Лариса понимающе кивает.

Как мне Вас жалко...

Звучит второй звонок перед спектаклем.

Пойдемте, сейчас скоро начнется.

Аронов и Лариса уходят.

Картина 5

Столовая на пароходе «Ласточка». Накрыты столы для фуршета. Слышны аплодисменты, крики «браво». Столовая постепенно заполняется людьми. Это актеры местного театра, зрители. Персонажи пьют, едят. Аронов и Лариса полностью равнодушны к накрытым столам. Вся сцена — движение, динамика, многоголосье.

Зритель и две зрительницы.

1-ая зрительница. Да ну, что это!.. Вот помнишь тот спектакль, где муж приходит, а у нее любовник...

Зритель. А она запирает любовника в комнате, а мужу говорит, что травила там тараканов! Вот умора!

1-ая зрительница. Вот это был спектакль, так уж спектакль!..

2-ая зрительница. Нет-нет. В этом что-то есть, что-то есть...

Зритель. А помнишь — еще был спектакль «Дед Мороз — мерзавец»...

1-ая зрительница. Да — это настоящий шедевр!..

Уходят.

Луговой и Кнуров.

Луговой. Вы знаете, я понял! Я испытал такое внутреннее удовлетворение, оттого, что я понял...

Кнуров. Да-да-да... Согласен! Согласен... Вы — совершенно правы!..

Луговой. Я столько раз видел, как они репетировали — я заходил — Евгений Иванович пускал меня. Вы знаете, это такая аура... Я не понимал сначала. Думал: что? что это такое? как это?.. Почему? А Аронов мне — «процесс»!.. Вы знаете, я только сейчас понял, я увидел плоды, результаты этого процесса.

К ним подходят Чибисова и Гудзий.

Чибисова. Аронов сам истеричный, и спектакль у него истеричный.

Кнуров (Гудзию). А как вам?

Гудзий. Э-э-э... Да-а-а...

Кнуров. Вы посмотрите, какие кадры вам Григорий Алексеевич оставил!.. Он преподавателей коллекционировал!..

Гудзий. Да-а-а. У меня один знакомый коллекцию бабочек собрал. Хорошие деньги выручил!

Входит Вожеватов.

Вожеватов. (убежденно) Это творчество.

Луговой. Да, вы знаете, это настоящее. Это творчество... Вы понимаете, Лариса Дмитриевна была у нас одна, а теперь еще и он, Аронов — это здорово.

Вожеватов. Да, да, да!

Луговой. И статус! Статус наш, благодаря таким людям, будет расти. Это отраднo.

Вожеватов. Григорий Алексеевич, какой вы молодец, что пригласили Евгения Ивановича к нам. Для нас это находка.

Гудзий и Кнуров.

Гудзий (Кнурову). Да-а, вы правы — надо оптимизировать учебный процесс. И я уже кое-что для этого сделал!

Кнуров. Например.

Гудзий. Закрыл библиотеку при театральной школе — она нерентабельна, увеличил штат уборщиц — каждой уборщице выплатил премию — по десять рублей!

Кнуров. Какие привилегии уборщицам!.. А преподавателям по сколько?

Гудзий. А им-то зачем?

Вбегают ученики Аронова, раскрасневшиеся, возбужденные. С ними входит сам Аронов. К ним подходят с возгласами «Поздравляем!», «Какие вы молодцы!», «Удачи вам!»

Ученики присоединяются к фуришету.

Чибисова, Лариса и Кнуров.

Чибисова. (Ларисе) Вы знаете, Ларисочка, Аронов запрещает своим студийцам ходить на спектакли нашего городского театра — нечего, говорит, вам там смотреть. Вы должны по вечерам учить роли, которые я вам даю, вслушиваться в себя, читать, думать. Вы представляете! Каков гусь!

К Чибисовой подходит Гудзий и, взяв под руку, отводит в сторону.

Лариса и Кнуров.

Лариса (Кнурову). Что это за звук?.. Какой инструмент его издает? Я никак не могу уловить, определить... Звук такой, глухой, но пронизывающий — символ пустоты. Это не труба... Никак не могу уяснить... Я его слышу, этот звук... Слышу, понимаешь...

Кнуров (иронично). Ты уже и слышишь?.. Это очень субъективно... Символ пустоты... Гм...

Подходит Смельская.

Смельская (Ларисе). Конечно, это ново, я не спорю. Но кому это нужно у нас?! Эти его новации... Так же как и твои, впрочем... Их оценят единицы. Слава Богу, у тебя хватает здравого смысла не расстраиваться по поводу того, что на твоих выступлениях сидит несколько зрителей. Но и он... Взрослый же человек. Что, не понимает разве? Самовыражайся, сколько угодно — но не претендуй при этом на признание и лавры.

Во время реплики Смельской чуть в стороне от Ларисы стоят студийцы Аронова, Саша и Лиза, не решаясь подойти, выжидая удобный момент. Поймав, наконец, паузу, подходят к Ларисе.

Саша (Ларисе). Лариса Дмитриевна, можно я вас попрошу...

Лариса. Да, конечно, Саша.

Саша. Мы с Евгением Ивановичем делаем сценки. Нужно придумать какую-то ситуацию — чтобы был конфликт.

Лиза. Мы уже и любовь показывали, и ревность, и обиду... И... фантазии уже не хватает. Вы не поможете, не придумаете что-нибудь?..

Лариса. Хорошо, я подумаю... (отходят в сторону, Лариса начинает что-то объяснять).

Чибисова, Луговой и Аронов.

Чибисова (Аронову). Как это вы делаете, не пойму?! Без планов, без опоры на министерскую программу... Все должно быть четко, заранее известно! А у вас...

Луговой. Я и говорю — процесс!!!

Аронов, Чибисова и Луговой смеются. Аронов — довольно, Чибисова — деланно, Луговой — одобрительно.

Аронов (Луговому). Я вот занялся изучением буддизма. Думаю, как это мировоззрение можно применить в театре — для создания атмосферы, и репетиционной, и во время спектакля...

Смельская, Гудзий, Чибисова.

Гудзий (Смельской). ...Что вы говорите? Собирается увольняться учительница классического танца? И замены нет?!. Да что вы?! Незаменимых у нас нет — пусть увольняется. Всех найдем.

Чибисова. Да бросьте вы, что за проблема? Вон, по соседству общество физкультурников — бегают, прыгают!

Гудзий. Штангу поднимают!..

Чибисова. Что, не смогут, что ли, балет преподавать?!

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров (Вожеватову). Василий Данилович, у меня к тебе просьба. Я уезжаю ненадолго, по делам банка. Ты пригляди за Ларисой...

Вожеватов. Конечно. С удовольствием. Но она что, маленькая?

Кнуров. Хуже — она чокнутая. За ней глаз да глаз нужен...

Вожеватов. Ну уж...

Лариса и Смельская.

Лариса (Смельской). Ты знаешь, я видела его жену...

Смельская. Чью?

Лариса. Аронова...

Смельская. Ну и что. Я тоже видела — очень приятная интересная дама.

К Ларисе и Смельской подходит Чибисова.

Чибисова. Сколько яблок в этом году... До сих пор не съели. Пеку шарлотку каждый день.

Кнуров и Вожеватов.

Вожеватов (Кнурову). И зачем она замуж за тебя пошла?.. И ты, зачем на ней женился?..

Возглас Чибисовой.

Чибисова. А-а-а-х! Какой мужчина! Ну и что, что дурак! (Уходит с Гудзием).

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. К тому времени, как мы с Ларисой сошлись, супруга моя померла, царство ей небесное. Я был одинок, Лариса — не менее одинока, даже более. Я весь ушел в работу. У Ларисы в жизни был полный крах. Я увидел ее тогда, все такую же, как раньше, но... глаза — глаза бездомной затравленной собаки...

Лариса и Смельская.

Лариса. Нина, я пропала, погибла — совсем. Вчера шла по улице — вдруг налетела стая ворон — больших, черных. Кар-р-р! Кар-р-р! И прямо на меня — чуть не наголову мне бросаются. Как я испугалась!

Смельская. Да они между собой что-то не поделили.

Лариса. Это знак — знак, Нина! Разум покидает мою голову. Я шла и молилась — молилась спасти меня от этого наваждения.

Возглас Чибисовой.

Чибисова. Да ну что вы? Разве можно тут о чем-то спорить!.. Все ясно — ясно, как день!

Гудзий и Вожеватов.

Гудзий. Новые специальности?.. Это которые Луговой открыл?.. Мы их закроем. Зачем они?..

Вожеватов. И что же вместо них?

Гудзий. Вместо них? Ничего. Будем в подвале выращивать шампиньоны — на продажу! Нужно быть рентабельными! Да и супчик грибной, эх, люблю, знаете ли!..

Аронов и Луговой.

Аронов (любуясь Ларисой). Боже, ну до чего хороша!

Луговой. Что, Евгений Иванович, седина в голову — бес в ребро!..

Лариса и Аронов.

Лариса (Аронову). Вы представляете, они все знают, у них на все, на любой вопрос, есть готовый ответ, рецепт решения любой проблемы. А я вот, ничего не знаю...

Аронов. Эти-то, затейники, что они знают!..

Аронова отвлекают студийцы. Он, извиняясь, отходит.

Смельская, Лариса, Чибисова, Гудзий.

Смельская (Луговому). Да ну! Строит из себя чего-то. Что он, не понимает, что из его учеников никаких Щепкиных и Ермоловых не получится. Так, поиграют, позабавятся, пока молодые, да и бросят. А уж он так серьезно их настроил...

Лариса (Смельской). Все правильно. Так и нужно. Иначе, то, что они явят на сцене, будет не искусство, а халтура.

Смельская. Да кому здесь нужно искусство?! Искусство!..

Чибисова. Вот именно — он на работе думает о работе — об искусстве!

Гудзий. А нужно думать о деньгах — тогда деньги сами в руки пойдут!.. Нужен доход — реальный доход. Аншлаг каждый вечер и деньги!

Смельская (Ларисе) Его большое искусство никому не нужно, непонятно. Ты знаешь, что его называют сумасшедшим, городским сумасшедшим!

Лариса. Побольше бы таких сумасшедших...

Свет постепенно гаснет, кружатся снежные хлопья, заслоняющие действующих лиц от зрителей.

Картина 6

Набережная. Колючий снег-дождь. Ветер. Под ногами хлюпает. Аронов идет совершенно потерянный. Навстречу ему Лариса.

Аронов (кидаясь к ней). Лариса Дмитриевна! Здравствуйте!..

Лариса. Здравствуйте, Евгений Иванович! Что случилось? На Вас лица нет.

Аронов. Вы... Вы... не можете предложить мне работу?..

Лариса. Я... Если бы я могла... Но я не располагаю такими полномочиями... А—а зачем? Почему Вы ищете работу?

Аронов. В театре склока. Меня, моих учеников изгоняют из театральной школы и из города...

Лариса. Что Вы такое говорите! Кто Вас изгоняет?

Аронов. Я, Вы знаете, выступил тогда против Чибисовой...

Лариса. Да, я слышала...

Аронов. Ведь она, Вы знаете!

Лариса. Понятно...

Аронов. Она — заместитель Гудзия, директора. Она сказала мне открытым текстом: «Я вам работать не дам»... И не дают... Студентам заявили — если вы будете участвовать в его спектаклях, мы вас отчислим... Я провожу экзамен — почему не по билетам? Я им говорю — это нельзя по билетам. Творчество — это хаос, это интуиция, здесь ничего нельзя

предугадать, нельзя загнать в рамки... Какие еще билеты?.. Ведь это нигде не описано — это только-только начинает осознаться, это можно только пе-ре-дать...

Лариса. Кому Вы это говорите...

Аронов. Вы понимаете, как был курятник — так и останется КУРЯТНИК!.. Я... Да, представляете, такого еще в моей жизни не было. Забыл название пьесы, которую хотел поставить... Да, пьеса Островского... Я хотел ее поставить. Как же?... Да, и, Вы знаете, болит — сердце болит постоянно. Я уж капли пью — того гляди, удар случится.

Лариса. А я зайду — помолюсь за Вас. Поплачу... У меня слез много...

Аронов. Уж, не знаю — почему все так... Ведь я всю жизнь в театре... Чего только не было... О-о-ой! Меня профессия всегда выручала... Профессия выручала... Может это, хотя я не очень верую (показывает на небо), там кому надо, чтоб вот так все было...

Лариса. Я — верую. Моей веры, дай Бог, на нас двоих хватило чтоб...

Аронов. Самое страшное — невыносимое — что работать не могу... В таком состоянии — невозможно... Невозможно... Совершенно не дают заниматься творчеством...

Лариса. Я никому, никому не дала бы Вас в обиду!.. Никому...

Аронов. Спасибо Вам...

Лариса. Вот, церковь! Давайте зайдем. Я — за Вас — сейчас... Целителю Пантелеймону надо... И Николаю Чудотворцу...

Аронов и Лариса в полумраке церкви. Оба со свечами в руках

О великий угодниче Христов, страсотерпче и врачу многомилостивый Пантелеймоне! Умилосердися над грешным рабом Евгением, услыши стенание и вопль...

Голос Неба. Ты пришла просить за раба Евгения. Почему? Что движет тобой, какие чувства?.. Нет ли в помыслах твоих греха?

Лариса. Господь все видит, все знает. Могу ли я что скрыть от Господа... Да, есть в моих помыслах грех... Каюсь... Я не думала, что со мной опять это может случиться. Но... Опять! Опять это наваждение. Я была почти уверена, что этого уже никогда не будет, что это пережито — тогда, в 18 лет, с Паратовым. Я не ожидала, что это может повториться... Я, кажется, поняла... (скороговоркой) Опять, эта гадость-гадость-гадость-пошлость. Нет, нет, нет!.. Я поняла его реакцию на мою персону. Кажется, поняла. Его жена и я... Мы похожи, один тип... Нет, нет, нет! Я не хочу, не надо — опять эта гадость. Эти низменные чувства, и эта ревность... Я уже забыла это чувство — оно было у меня давно-давно... Нехорошее чувство... Потом — он не похож на Паратова — совсем не похож. И это хорошо — у меня от той, его, Паратова, внешности, от той ошибки, дурмана, обмана, недоразумения — полное отторжение. Что-то перевернулось во мне тогда — когда я прочла этот его дневник... Но... Господи, прости меня, разве не ты послал мне встречу с Ароновым?.. Я расценила ее как дар... И может ли любовь считаться грехом?.. — Знаю, что может... Но что же мне делать?.. Сказать, что я сейчас же вытравлю из себя это чувство?.. Но это будет ложью — я знаю, что не вытравлю — не смогу... Прости, Господи, меня, грешную — помоги ему, помоги рабу Евгению!..

Голос Неба. Как осмеливаешься ты просить за актера — комедианта? Род занятий его греховен.

Лариса. Разве не всемогущий Господь вложил в его душу дар творить?.. Разве может Господь оставить раба своего, который творит с его поддержкой и по его воле?.. Прошу — помоги ему!..

Аронов. О всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступник и везде в скорбех скорый помощниче! Я пришел, чтобы благодарить тебя и просить о помощи... Я знаю, что грешен — во многом... И на исповедь не иду. Грешен.

Спасибо за встречу — за Ларису Дмитриевну. Она — мой ангел-хранитель, она — дар мне от Господа нашего. Благодарю.

Голос Неба. Не должно сравнивать человека с ангелом. Тем более что чувства твои к ней небезгрешны...

Аронов. Каюсь. Я всего лишь человек, земное, низкое существо... Она — одна, только она понимает, только она хочет помочь... Я уже не молод, много ли мне осталось... Все, что у меня есть — мои дети, ученики — я живу ими, я хочу их научить, им передать... Если мой курс разгонят, пострадают они, дети — они ни в чем не виноваты!.. Ведь там жизни, судьбы!.. Что с ними будет?! Куда они пойдут?! Не допусти этого!.. Спаси, спаси дело, высокое дело, спаси искусство!.. За него прошу!.. А о грехе... Я — художник... Мне нужна эмоциональная встряска, обновление... Я увидел ее, Ларису, и не смог сдержаться... Как будто мне снова двадцать пять... И, Боже, как же она напоминает мне ту, с которой расстался — ты знаешь... Не отнимай у меня ее!.. Господи... «И может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной?..» Прости, грешного.

Голос Неба. Художнику — простится.

Аронов и Лариса снова на улице.

Аронов. Правду говорят — счастье — это, когда ничего не болит. Отпустило. Это все Вы. Спасибо Вам. Можно я Вас поцелую? *(обнимает Ларису и целует в щеку)*.

Картина 7

Кабинет Лугового в театральной школе. На стенах афиши, фотографии актеров, в том числе, Ларисы. На полу и на столе стопки книг. Луговой вносит еще одну стопку и кладет на пол. Стоит некоторое время в задумчивости, затем подходит к шкафу и долго что-то ищет. Наконец, достает пыльную початую бутылку водки и рюмку, сдувает с бутылки пыль. В дверь стучат. Луговой прячет бутылку и рюмку обратно в шкаф, отходит от шкафа.

Луговой. Да, войдите.

Входит Смельская.

Смельская (озабоченно). Добрый день, Григорий Алексеевич!

Луговой (неуверенно). Добрый, добрый, Нина Васильевна...

Смельская. Ох, Господи, избави нас от творческих личностей — с ними беда одна...

Луговой. Ниночка, вы о ком?

Смельская. Об Аронове... О ком же еще... Григорий Алексеевич, книги из библиотеки?

Луговой. Да. *(Снова подходит к шкафу, достает бутылку и две рюмки)*. Наш новый директор решил помещение библиотеки сдать под сра-салон, а книги — на распродажу. У нас вот скинулись — купили, сколько смогли, и сюда, ко мне в кабинет. *(Наполняет обе рюмки водкой)*.

Смельская. О Боже... А это правда, что в подвале школы новый директор хочет шампиньоны выращивать на продажу?

Луговой. Есть такая идея... Ниночка, выпьете со мной?

Смельская. Благодарю вас, нет.

Луговой *(опустошает одну рюмку)*. И чем же Евгений Иванович, позвольте спросить, вам не угодил?..

Смельская. А «Дамы с камелиями» нет случайно в этих стопках?

Луговой. Была где-то. Сейчас найдем. *(Берет в руки вторую рюмку, выпивает. Смельская внимательно следит за ним)*. Вон, посмотрите в той стопке — кажется, ее туда положили.

Смельская. Григорий Алексеевич, вы... плохо себя чувствуете?

Луговой. Не-ет, что вы, Ниночка, все хорошо...

Смельская. Да вы посерели весь... Почернели. Пить вдруг стали... Никогда не пили... Чего ж хорошего?..

Луговой. Не вдруг, Ниночка... Не вдруг... Так что Аронов?

Перебирают книги.

Смельская. Вы что, ничего не знаете?.. Он уходит собирается — из-за свары с Чибисовой. Да мне наплевать на него — пусть он сам идет, куда хочет — меня волнует судьба моего племянника... Аронов запудрил детям мозги, наобещал им золотые горы... Они его боготворят — а он, видите ли, собирается уходить — уезжать! И их убеждает уходить!.. А куда им уходить? Зачем?.. Это что — поступок порядочного человека?.. Я в свару эту влезать не буду, конечно... Но так не делают.

Луговой (*находит «Даму с камелиями» и протягивает ее Смельской*). Не думаю, что нужно принимать его слова всерьез. Аронов очень эмоционально на все это реагирует. Пошумят и успокоятся.

Смельская. Ученикам о своем уходе он говорит на полном серьезе — они все в панике... И работать ему здесь не дают, как он того хочет, и не дадут. Чибисова ему прямо об этом заявила.

Луговой (*Направляется к бутылке*). Да кто такая Чибисова? Разве она все это решает? Почему ее должны слушать?.. При чем здесь, вообще, Чибисова?! (*Наливает еще рюмку*).

Смельская. Григорий Алексеевич, может, не стоит пить, все-таки?

Луговой (*не слушая ее, как бы произнося тост*). Аронов — знаковая фигура — без него у нас в городе, вообще, никакого театрального образования быть не может — он единственный, кто может вытащить из болота наш театр — за его здоровье (*пьет*), если это театром еще можно назвать... Слушать должно Аронова, и только его.

Смельская. Его никто слушать не будет. Чибисова сводит с ним личные счета, за то его выступление против нее, а всем остальным нет никакого дела до Аронова и его учеников. Уйдут, ну и ладно.

Стук в дверь.

Луговой (*не торопясь, убирает бутылку в шкаф*). Войдите.

Входит Лариса.

Лариса. Здравствуйте. (*Удивленно-вопросительно смотрит на стопки книг*).

Луговой. Лариса Дмитриевна, чем обязан?.. Да, да — это книги из закрытой Гудзием библиотеки...

Лариса (*проходит, садится*). Григорий Алексеевич, я никогда не обращалась к вам за советами, за помощью, никогда не просила ни о чем... ни о ком... (*Решительно*) Меня беспокоит судьба учеников Евгения Ивановича.

Смельская. О! Видите — она единственная, кого это беспокоит. Всем остальным плевать.

Лариса. Нина, а тебе?

Смельская. Мне?.. А что мне?.. Мне зарплату заплатили, а остальное, почему меня должно волновать...

Лариса. Вот!.. Потому он и сидит, этот ваш Гудзий с Чибисовой, что вас, кроме зарплаты ничего не волнует!.. У Аронова сердце болит, у Марьи Сергеевны, заведующей библиотекой, язва желудка на нервной почве... Ведь оно по вам же и поедет... это убожество... как вы не понимаете!..

Луговой. Уже едет... (*Снова направляется к шкафу за бутылкой*).

Смельская. ...Да, наверное, это и к лучшему. Ну что это за профессия — актер! Надо серьезным делом заниматься, а не комедиантствовать.

Лариса. Нина! И это говоришь ты?! Ты сама актриса...

Смельская. (*с горьким равнодушием*) Ну какая я актриса?! Здесь, у нас, в курятнике, разве можно быть актером?.. Со временем студенты Аронова сами это поймут и уйдут...

Лариса. Вот! В том-то вся и беда — не понимаете вы этого — что не уйдут. Во всяком случае, не все уйдут.

Смельская. Конечно, конечно, театр — это яд, зелье, наркотик!.. Не вытравишь!.. Уж ты-то, такая ревнительница театра, и то вытравила.

Лариса. Если бы я вытравила, если бы мне это удалось, я не защищала бы сейчас Аронова, не устраивала бы поэтических вечеров, на которые никто не ходит, не писала бы пьес...

Луговой (*с рюмкой, наполненной водкой*). Лариса Дмитриевна, хотите анекдот?

Лариса. Да подождите вы с анекдотом. И... зачем вы пьете?.. То, что пытается делать Аронов, — это, действительно, искусство. Вы же сами видите, насколько его студенты... Нет, они не выше наших актеров — они, вообще, — другие!..

Луговой. Вижу, Лариса Дмитриевна... Ваше здоровье (*пьет*).

Лариса. Так почему Аронов пьет пузырьками капли и ждет удара!? Вы поддерживали Аронова в его начинаниях, помогите же ему теперь, когда дело, которому он служит, под угрозой.

Луговой. ...Наши победят, Лариса Дмитриевна... Знать бы, кто окажется нашими...

Смельская. Я вот слушаю вас — какой у вас Аронов герой получается!.. Непризнанный талант, гений! А ведет он себя неадекватно. Да-да, Лариса, и не возражай. Я знаю, ты сейчас скажешь, что он творческий человек, и нужно учитывать специфику... Но он совершенно — ведет себя как полубог... Он сам, по собственной несдержанности, разругался с Чибисовой, выступил против нее — кто его тянул за язык?!

Лариса. Да Аронов один, пойми ты, один — против всех!..

Смельская. А кто ему велит быть против всех!?. Работай себе тихо-мирно. Сам бучу поднял, сам виноват. Да еще ученикам всякую ерунду вдалбливает...

Лариса. Да пойми ты, Аронов учит их быть актерами...

Смельская (*перебивая*). А другие что, по-твоему — не учат?

Лариса. Да не то, не так! Аронов — он знает, а они — нет! Они и знать не хотят! Ну ты что, не видишь, что ли, разницы, не чувствуешь?! Ты же была на показе!..

Смельская. Ну, была, видела... Ну да... Да не нужно это никому у нас.

Лариса. Объединились против него и травят... Чибисова не проводила занятия с его студентами, а когда Аронов задал ей вопрос, почему она этого не делает, Чибисова ответила, что она «так хочет»... Аронов возмутился, почему историю искусства у его учеников читает учитель биологии — ответ был аналогичный... Конечно, Аронов взорвался... Что, скажешь, он не прав?.. Он сумасшедший?.. Он хочет чего-то сверхъестественного?.. Да он халтуры не приемлет!.. И правильно — если уж делать — так на совесть. Он сидит со своими студентами день и ночь — репетирует, а Чибисова и вся эта компания во главе с директором не разбираются ни в чем!.. И все это знают.

Смельская. При всем этом — Аронов груб, раздражителен, замкнут... Невыносим, извини, подчас.

Лариса. Так что же?... Это издержки — творчество делает его таким. Как не чувствуете, не сознаете вы этого... Понять это нужно, понять и принять — таким, какой есть... Когда человека одолевает творчество, а к нему со всякой ерундой, с пустой болтовней отвлекающей — это раздражает... Потому и замкнут — это защита собственного творческого

«я», этого состояния, зыбкого, от всего неважного... Да ему просто работать не дают! Спроси у Сашки — он тебе расскажет.

Смельская. ...Затравили бедного...

Раздается стук в дверь. Входит Аронов.

Аронов (*ошеломленно*). Лариса Дмитриевна, Вы — здесь?!

Луговой (*с улыбкой*). За вас пришла просить, беспокоится о судьбе ваших студентов.

Лариса. Евгений Иванович, знайте — что бы ни случилось, я — на вашей стороне.

Аронов (*с жаром*). Спасибо вам за заботу. (*Целует ей руку*).

Лариса. Не буду мешать вашей беседе. (*Выходит*).

Аронов. Так что же будет с моими учениками, Григорий Алексеевич? Я уж не знаю, к кому обратиться...

Луговой (*наливает две рюмки*). Евгений Иванович, угощаю...

Аронов. Нет, благодарю, у меня сердце...

Луговой (*ньет*). А что Гудзий по этому поводу думает — он же теперь директор?

Аронов. Я был у него. Он заявил, что «не будет вмешиваться в ситуацию».

Смельская. Вот так. Из-за личной ненависти к одному человеку, из-за тупости и равнодушия всех и вся — сгубить дело... Пойду я, слышать, видеть все это тошно. «Даму с камелиями» я возьму на день?

Луговой. Берите, Ниночка.

Смельская уходит. Луговой опустошает еще одну рюмку. Он уже сильно пьян.

Евгений Иванович, извините меня, конечно... Думаю, вы не тем вопросом озабочены, коим, действительно, стоило бы озаботиться... Я бы на вашем месте, во всяком случае, озаботился бы им.

Аронов. Не понял.

Луговой. Деньги, склоки, эта свара... Зачем вам все это?

Аронов. Не понимаю вас. Как зачем?! Я — художник! Я хочу поднять театральное дело в этой глуши до мало-мальски достойного уровня. Вы же сами меня пригласили — разве не с этой целью!?

Луговой. С этой...

Аронов. Давайте вместе — мы же единомышленники!..

Пауза.

Луговой. Не думаю, что смогу быть вам полезен... Мою должность, заведующего отделением, Гудзий сокращает. Он закрывает новые специальности, мною открытые, они ему не нужны — не рентабельны!

Пауза.

Аронов (*достаёт из кармана таблетку и кладет под язык*) Можно я позвоню? Где у вас телефон?

Луговой. Телефона нет, Евгений Иванович... У нас совещание недавно было. Наш методист задала директору вопрос о правилах получения лицензии. Гудзий не знал, что ответить... После этого директор вызвал методиста к себе в кабинет и начал воспитывать — какое она имела право задавать ему подобные вопросы и выставлять его дураком. В этот же день у нас сняли телефон...

Пауза.

А еще он вызывает к себе сотрудников и требует наушничать — очень гордится, что ему сообщают, «докладывают», как он выражается, кто и что о нем говорит...

Аронов. О-о-о!.. Господа, мы в каком году-то живем, в каком столетии?..

Пауза.

Вы думаете, что в сложившейся ситуации мои устремления не стоят того, чтобы бороться за них?..

Луговой. Стоят. Стоят, безусловно... И я, вы думаете что?! Я открывал новые специальности, я в лепешку расшибался!.. Во имя чего, для кого?! Для этого... быдла?! Он ходит, везде кричит о своих дипломах о двух высших образованиях...

Аронов. Его образование — это фикция... Это понятно.

Луговой. Он купил эти дипломы — не иначе... Но... *(Вновь берется за бутылку)*. Это, знаете ли, от нас с вами, в общем, никуда не уйдет... *(Выпивает еще рюмку)*. Покричат и все устаканится... Может быть... Поменьше эмоций, поспокойней... Надо переждать... Подождать...

Аронов. Чего подождать?.. Дать им возможность денег нахапать?! Какие тут деньги, помилуйте?.. Были б деньги велики!..

Луговой. Мужчина посажен сюда кормиться... Ничего. Эта скотина сам себе башку сломает... А вот другое может уже и не повториться... Вам сколько — пятьдесят восемь? Пятьдесят девять?

Аронов. Что вы имеете в виду? Что «другое»?

Луговой. Лариса Дмитриевна... *(Глядя на фото Ларисы на стене)* Она, знаете ли, в нашем захолустье — как алмаз.

Аронов. Как же, помню — «дорогой брильянт дорогой оправы требует».

Луговой. Точно!

Аронов. Я вполне сознаю и понимаю ее исключительность. Более того — я прочел пьесу Ларисы Дмитриевны, собираюсь ее ставить.

Луговой. Ставить пьесу Огудаловой — это хорошо, конечно. Но я вам о другом.

Аронов молчит.

Лариса Дмитриевна ведет, сообщу вам, очень закрытый образ жизни — несмотря на ее выступления. С местной актерской братией она не слилась. Сама по себе — в своем творчестве. Одиночка. Но тут! Пришла ко мне — просить помощи, совета — не о себе просить. О себе и слова не сказала, хотя, ей... думаю, тоже не сладко. Пришла просить за вас!

Аронов. Я благодарил ее за заботу, при вас же, только что.

Луговой. Эх, Евгений Иванович! Вы ей ручки целуете... Я бы на вашем месте... Ух!!!

Аронов. ...Пить вам хватит.

Луговой. Думаете, что я пьян?.. Но я ведь прав... *(Убирает бутылку и рюмки в шкаф)*.

Аронов. ...А муж?.. А дети?.. Да и возраст мой не юный... И она — да что вы...

Луговой. Ой, Евгений Иванович! Ее визит ко мне, знаете ли, свидетельство, красноречивое... Чтобы она, когда-нибудь, за кого-нибудь, так беспокоилась, хлопотала!?. Уверяю вас — это впервые. Я давно ее знаю... Я бы на вашем месте продумал такой вариант. Такого подарка судьба нам с вами, с учетом нашего возраста, может уже и не предложить...

Картина 8

Дом Кнурова и Ларисы. Резвятся дети. Входит Лариса, еле сдерживая слезы.

Дети кидаются к Ларисе.

Дети. Mamочка, мама пришла!

Лариса *(целует детей)* Милые мои! Как ваши дела?

Дочь. Мы играли в кофейную. У нас продавался чай, а еще кофе, пирожные и мед. И рыба. Кто быстрее съест — тому приз! А еще Андрей читал мне стихи.

Лариса плачет.

Сын. Мама плачет! Кто обидел маму? Скажи, кто тебя обидел? Я тебя спасу и защищу от всех, от всех разбойников!

Дочь (*убегает и через некоторое время возвращается*) Мамочка, на — возьми платок, вытри слезы.

Лариса вытирает слезы.

Лариса. Стихи? Какие тебе Андрей читал стихи?

Дочь (*задумывается*). М-м... Забыла, как называется...

Сын. «Мцыри» — Лермонтова. Мам, там слова непонятные.

Лариса. Какие?

Сын. «Ара́гва» и «Кура́».

Дочь. Не кура́, а ку́ра. Это курица, такая птица, и еще еда — ее есть можно. Да, мам?

Лариса. Это названия рек на Кавказе.

Сын. Пойдем, еще почитаем.

Дочь. Нет, я хочу играть.

Сын. А я не хочу!..

Убегают, споря. Лариса машинально переставляет вещи на столе. Входит Кнуров. Вопросительно смотрит на Ларису.

Лариса (после долгой паузы, вымученно). Скажи, почему так?..

Кнуров. Что?

Лариса. Ну почему Аронова изгоняют?!

Кнуров. А что они, по-твоему, должны делать? Что для них Аронов... Подумаешь, Аронов...

Лариса. Он дело делает. А они, они же — никто! Ты понимаешь, вообще — никто! Ну, какие у них заслуги перед искусством, культурой, образованием??? Ну, назови мне хоть одну! — Их нет, и не будет!.. Они же — совершенно — ни в чем не разбираются! Они не в состоянии оценить... Они ограниченные, убогие, дремучие!.. Ну, почему!!! Ведь Аронов дело делает!.. Он один!..

Кнуров. А не нужен тот, кто делает дело. Не нужен! Затапчут. Задавят. Сгноят. Потому что не нужен... И заслуг не нужно — никаких. Нужно быть родным братом... или сестрой...

Лариса. Ты можешь говорить, что во всем виновата моя романтизированность, но то, что творится... Это, это... Нельзя! Понимаешь, так нельзя... Это чудовищно... Это — нельзя... Нельзя, чтобы...

Кнуров. А еще, ты знаешь — много животных бездомных, голодающих... Еще у нас в центре города, между ротондой и храмом торговую лавку поставили — это тоже нарушение всех архитектурных норм. Для тех, кто понимает, это тоже чудовищно. А еще вон церковь разрушается — памятник XVI века — тоже надо спасать... А почему, почему они все не поднялись, не высказали свое несогласие с решением департамента? Почему они не выразили недоверия новому директору? Почему не заступились за Лугового? Что, зубастых, что ли нет?

Лариса (с горечью). Потому что добрая половина коллектива — такие же убогие, как этот директор. И как Чибисова... А если кто и сознает, что происходит, так боятся выступить... В справедливость люди не верят...

Кнуров. Да понятно... У нас привыкли — им в морду плюют, а все молчат — терпят...

Лариса. Да как «терпят». Ходили, писали, просили. Я ходила в департамент — так ведь я для них кто? — чокнутая, такая же, как Аронов. Студенты Аронова на имя губернатора письмо написали.

Кнуров. Ну и что он?

Лариса. Не снизошел, конечно... «Сами пусть разбираются»... Вот они и разобрались... Ты понимаешь, никому не надо! Всем плевать. Никто не хочет вникать... Какой-то там заштатный курятник... Кому хоть до него есть дело!..

Кнуров. Думают не о деле, не о судьбе учреждения, а о том, как свести личные счета и нажиться... Такое впечатление, что Лугового сняли только затем, чтобы посадить этого... Ведь ладно ума — совести нет у людей... Хотя, о чем я?.. Какая совесть... Ну не плачь!.. Ну, над тобой ведь не каплет. Пиши, выступай себе со своими чтениями. Ну, какую тебе еще книжечку купить?

Лариса (*всхлипывая*). Книжечку, да... Книжечку мне всегда надо...

Вбегают дети.

Сын. Мама, что ты плачешь?

Лариса. Я плачу оттого, что ружье опять не выстрелит. Понимаешь, сыночек, оно висит на стене, оно заряжено — но оно не выстрелит... А я хочу, чтоб оно выстрелило.

Сын. Ружье? Я принесу тебе ружье! (*приносит игрушечное ружье*) Стреляй, мамочка!

Лариса (*смеется сквозь слезы, выстреливает*) Спасибо, сыночек. (*Плачет*).

Сын. Не плачь, мама! Я люблю тебя!

Дочь. И я — я тебя люблю!

Лариса. А я вас люблю... Я хочу, чтоб хотя бы один раз, единственный раз, мое желание, мое стремление, «мечта» — это для меня запретное слово — получило воплощение...

Дочь. Мама, я спать хочу.

Лариса. Да, пора спать. Сейчас вы ляжете в свои кровати, и пусть вам приснятся самые добрые, самые счастливые сны... И мне тоже пусть приснится сон...

Затемнение.

Картина 9

Сцена освещается розовым светом. Атмосфера грезы, фантазии, сна. С противоположных концов сцены Аронов и Лариса кидаются друг к другу.

Аронов (*в глазах восторг*). Здравствуйте!

Лариса (*в унисон ему*). Здравствуйте!

Аронов. Я не могу, не могу, не могу больше молчать!..

(*У Аронова в глазах высшая степень восторга — до слез*).

Лариса. Помните, мы ехали с Вами в пролетках — Вы — в одной, я — в другой. И остановились наши пролетки одновременно, в одном месте. Я вышла и быстро пошла, почти побежала — сделала вид, что не вижу Вас. Я не от Вас бежала — от себя самой убежать пыталась...

Аронов. А я боялся догнать Вас, боялся даже обратить на себя внимание. Так и стоял, топтался на месте, смотрел, как Вы убегаете...

Лариса. Вы — боялись? — Напрасно... А помните, Вы пришли на мое выступление — поэзия декаданса. Вы опоздали — вошли почти в самом конце... Мысли мои спутались, едва я увидела Вас — забыла текст, который должна произносить. Все плыло — как в тумане... Неужели это со мной — опять... Не помню, как я тогда закончила вечер — скомкала финал...

Аронов. Я не желал Вашего смятения. Мне было неловко — крайне, очень неловко за ту пошлую фразу — простите меня...

Лариса. Что Вы! Пошлая фраза!? Разве она была? — Не-ет, ничего не было!..

Аронов. Я не знал, как подступиться к Вам, как сгладить эту низость. Я — ничего плохого не думал о Вас!

Лариса. И я — о Вас! Разве я могу — думать о Вас — плохо?! Никогда! Никогда! Только хорошее — светлое — доброе...

Аронов. Я хотел не плотского.. То есть... Ах, ну как я могу!..

Лариса. Все хорошо — я все понимаю! Конечно, Вы хотели духовного — вот Вам моя пьеса.

Аронов. Я прочел ее!

Лариса. А мне — Ваш спектакль.

Аронов. Да! Да... Но...

Лариса. Но!.. *(по щекам ее текут слезы)*.

Аронов. Вы плачете? Не плачьте, пожалуйста. *(Обнимает ее, вытирает рукой с ее щек слезы)*.

Лариса. Вы вспомнили название пьесы, которую хотели ставить? Островского?

Аронов. Да, вспомнил — «Волки и овцы» — одни кушают, а другие позволяют, чтобы их кушали... И еще сказку хочу поставить...

Лариса. Да, обязательно — Островского и сказку! И то, и другое — там ружье, висящее на стене, обязательно выстреливает. Там случается то, чего не случается в жизни. Но жить с осознанием того, что в жизни ничего не происходит и не произойдет — ведь невозможно?!

Аронов. Невозможно!

Лариса плачет.

Аронов *(сам чуть не плача)*. Не плачьте, я прошу Вас! *(Обнимает Ларису)* Не плачьте!..

Лариса. И еще был один момент... *(Лариса в нерешительности замолкает)*.

Неловкая пауза.

Аронов *(страстно, с нескрываемым восхищением смотрит на Ларису)*. О, Вы свели меня с ума!.. Как я жаждал обладать Вами!.. Ваша походка, летящая, стремительная, легкая... Ваша стройная фигура... Ваша... Как я!.. Я не знал, Боже, до чего стройная... Я не мог совладать с собой... Простите...

Лариса. Я все видела. На Вас это было написано. Настолько ярко, театрально, большими буквами... Почему же Вы не сделали тогда последнего шага? Почему не вступили в эту чувственную схватку?

Аронов. Я не решился.

Лариса. Побоялись отпора — отказа — проигрыша...

Аронов подходит к Ларисе, обнимает ее. Поцелуй, во время которого звучит романс: «Не уходи, побудь со мною / — Пылает страсть в моей груди! / Восторг любви нас ждет с тобою. / Не уходи, не уходи!». Затемнение.

Картина 10

Утро в доме Кнурова и Огудаловой. Лариса одевается, собирается уходить. Слышен звонок. Входит горничная.

Горничная. Лариса Дмитриевна, к вам Аронов, Евгений Иванович.

Лариса. Проси.

Горничная уходит. Лариса наспех прихорашивается перед зеркалом. Входит Аронов.

Аронов. Здравствуйте.

Лариса. Здравствуйте.

Аронов. Ну, как дела?

Лариса. У меня приятные новости — мой сборник издан, уже появились рецензии, есть даже восторженные.

Аронов. Прекрасно.

Лариса. А как у Вас? Как сердце?

Аронов. Предынфарктное состояние сняли. Но болит все равно еще.

Лариса. Сняли. Слава Богу. Но это все долго — если уж началось, то не сразу восстанавливается...

Аронов. ...Я пришел проститься.

Лариса. Как!?

Аронов. Уезжаю. Договорился, знаете, в другом городе. Ну, если здесь не хотят — как хотят.

Пауза.

Лариса (*ошеломленно*). Вы уезжаете в другой город? В какой?

Аронов. Пока секрет. Я боюсь сглазить. Только никому не говорите.

Лариса (*с трудом собирая слова во фразу*). Я никому не скажу. А... как же ваши дети, ученики?

Аронов. Двоих забираю с собой в театр.

Лариса. А остальные?

Аронов. Остальные — кто куда. Всех пристроить никак.

Пауза.

Лариса (в замешательстве, вопросительно смотрит на него). А как же?..

Аронов. О наших планах я помню. Ваша пьеса — да, да!.. Как только обустроюсь на новом месте, думаю, буду ее ставить.

Лариса. Да, да.

Аронов. Ну, всего доброго.

Лариса. Всего доброго.

Он уходит. Она смотрит ему вслед, ни жива ни мертва опускается прямо на пол и разражается рыданиями.

Затемнение.

Эпилог

Пронзительный звук, символ пустоты. Луч света выхватывает Ларису в черном открытом платье на сцене парохода «Ласточка». Сцена выдвинута на авансцену. Зрителей-персонажей нет. Лариса — перед реальными зрителями.

Лариса. Вы ушли, а я осталась... Осталась существовать — здесь... Я осталась, чтобы бояться открыть дверь — потому что за дверью — никого нет!.. Пустота... Немота... Я осталась, чтобы бояться обнять — пустоту... «Здравствуйте!» (Вздрагивает, оглядывается) Никто не скажет больше — «здравствуйте»... О-о-о!.. Какое это волшебное, восхитительное, прекрасное слово!.. В нем — все!.. Вся — жизнь!.. Здравствуйте!.. Я осталась, чтобы бояться ходить по этим улицам, коридорам — потому что воображение постоянно, вопреки здравому смыслу (какой здравый смысл!!!), воображение силится создать Вас — из воздуха, из ничего, из пустоты... Я осталась, чтобы бояться ходить по этим улицам, потому что каждая седая голова вызывает дрожь — воспоминание о Вас... Я осталась, чтобы бояться смотреть в витрины магазинов с книгами и открытками — потому что в лицах актеров я, вдруг, узнаю... Да, конечно, типаж — тот самый!.. Я узнаю Ваш взгляд... Я осталась, чтобы встречать иногда Ваших бывших учеников и еще пронзительней и острее сознавать, что Вас — нет... Я осталась, чтобы знать и слышать, как рыдает там, за стенкой, в зале, где вы репетировали, одна из Ваших студенток... Саша, Ваш, наш с Вами Саша, племянник Смельской: «Лариса Дмитриевна, ущипните меня — я ничего не чувствую, вся боль внутри...» Я осталась, чтобы искать на карте город Вышний Волочок — и знать, что там — Вы — есть?.. Я хотела бы

послать Вам весточку: как работается Вам на новом месте? Конечно, лучше, чем здесь?.. Как здоровье? Берегите себя, дорогой, светлый человек... Но Вы ушли, а я — осталась...

2015 год